

Алексей Козлов

Чернилами
ДОБРА

И
ЗЛА

книга стихов 2017

Алексей Козлов

Чернилами добра и зла

«Издательские решения»

Козлов А.

Чернилами добра и зла / А. Козлов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-903101-3

«...И он, овладевая мною, Мою испытывает власть. Он пишет Богом, Сатаной, Чернилами добра и зла...» Новая книга стихов Алексея Козлова 2017 года построена на смысловых контрастах, как документальная фотография на игре света и тени: в маленьком мире повседневности угадывается величие одинокого сердца, а мысль поэта развенчивает мифы прошлого и настоящего.

ISBN 978-5-44-903101-3

© Козлов А.
© Издательские решения

Содержание

La Milonga Del Angel	7
Resume	8
А пилигрим идёт в поля	9
Айвазовский и осень	10
Актёру	11
Аляска	12
Анархистке	13
Антиподы	14
Архив	15
Без ветра пруд	16
Без документов	17
Без метафор	18
Бездушен,	19
Беременность	21
В коробке мозг	22
В краю, где стоимость иметь	23
В нём светлое	24
В ночи был дождь	25
В памяти	26
В раздумья погрузившийся	27
В револьвере	28
В руке такая пустота...	29
В соавторстве	30
В торосах	31
В Эрмитаже	32
Великие поэты-педагоги	33
Ветер переменит	34
Вид из каюты	35
Видна на голых ветках стая	36
Визуальный перевод	37
Во вчерашней жизни	38
Возвращение Тесея	39
Волною платье	40
Вопрос о смысле	41
Вор	42
Воспоминание	44
Восхождение	45
Вот пара слов	46
Время	47
Все включено	48
Вступление в 21-й век (А. Д.)	49
Выключатель чёрный у двери	50
Голос	51
Горизонт	52
Город	53
Горькие мысли	54

Горькие мысли эволюции	56
Господь, давайте нынче – по душам	57
Два клюва-стрелы	58
Две красные топки вселенской печи	59
Две ладони	60
Декабрь	62
Декабрьский снег	64
Для секунды	65
Дом, который построил прадед Том	66
Дома́	68
Домой!	69
Домосед	70
Дорога свиного стола	71
Дорога	72
Дюна Пилата (Дюна Пила)	73
Её отсутствие печалит	74
Ёлка	75
Если ветер с грозой прервут	76
Ещё раз	77
За земным горизонтом	78
Конец ознакомительного фрагмента.	79

Чернилами добра и зла

Алексей Козлов

Дизайнер обложки Маргарита Пальшина

© Алексей Козлов, 2018

© Маргарита Пальшина, дизайн обложки, 2018

ISBN 978-5-4490-3101-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

La Milonga Del Angel

Банденеон, ты сердце жжёшь!
Оно,
Как мех твой, дышит медленным надрывом,
И тот, в котором терпкое вино
Не прижилось в бутылочном Мадриде.

Нам не нырнуть под злые этажи
За лавкой букиниста у таверны,
Чьи высоки и схожи стеллажи
С изданиями вин всех лет, наверно.

Банденеон, ты тронул ноту-нерв,
Что тянешь стоном и не отпускаешь,
Где летом выпадает тот же снег,
Что бел зимой в предгориях Монкайо.

Здесь женщины красивы и крепки,
Жадны их губы, утончённы станы,
А груди и круглы, и высоки,
Но их не пригласить ещё на танго.

Мигель, давай научим их тому,
Что плачет ностальгией по корриде.
Дай руку мне, партнёру твоему,
Кто тоже жил отверженным Мадрида.

Resume

Темнота наказанием,
Выключением телика.
Игры дворика заднего,
Хулиганство, но мелкое.

Интересы к подробностям
И деталям у девочек,
Нагловатые робости
И к запискам доверчивость.

Прыщеватость при стройности
И гантели отцовские,
А с гитарой расстроенной
Хрипотца под Высоцкого.

Чаепитья досужие,
Рассужденья о женщинах,
Килограммы ненужные
Без прыщей и брожения.

На лекарствах гадание,
Ожиданье без выбора —
Темноты ожидание,
Немоты телевизора.

А пилигрим идёт в поля

От фонаря до фонаря,
Не заносясь на поворотах,
Стареет.
Поступь сентября
В шагах из жёлтых дней коротких
Уже не та...
Электросвет
Пройдён, а стали путеводны
И ближний свет, что – из-под век,
И дальний – Млечный Путь свободы.

Заборы, крепостной стены
Прочнее, проплывают мимо,
Что не страшны, а в крепостных
За ними – зависть к пилигриму
Неполноценных горемык,
Чьи ограждения полноценны.
Затвор ружья в ночи гремит,
Звенят «Эй, проходи!» и цепи
Ещё не спущенных собак,
Что друг от друга сатанеют;
Шаги, молчание и мрак —
От этого ещё страшнее.
«Что он там бродит по ночам,
Куда идёт, стирая обувь?»
Остёр обломок кирпича,
От страха разум туп, как обух.

А пилигрим идёт в поля
Уснуть отщебетавшей птицей —
В полях ещё тепла земля,
На мостовых уже не спится.

Айвазовский и осень

Как море – небо.
Холст «Девятый вал»
Был словно перевернут влажной тряпкой.
Я на обломке мачты узнавал
В глазах матросов собственную хлябкость.

И прогибали руки провода...
А может, те нагрузкою амперной —
Баржой влекли питание городам,
Как бурлаки по Волге вверх, и, верно,

Устали, от столба тащась к столбу.
Столбы, торча распятиями сосен,
Напоминали мачты и судьбу
Рабов, восставших на Сенат и осень.

И почва с перелеском на груди
Едва дыша, лежала неподвижно
В сентябрьский день со звоном впереди,
Который я со школы ненавижу.

Актёру

«О времена, о нравы!»,
«Справедливость,
К тебе взываю!»
Может быть, она
И снизойдёт, но, поглядев гадливо,
Отправится в иные времена.

Поменьше патетического, друг мой,
Когда кричишь в кухонное окно.
Ты на груди заламываешь руки?
Так жди, что их заломят за спиной.

Аляска

Водимы тропами познания,
Грузили всякий мусор в память,
Корабль гудел без нас в тумане,
Застывший, как ослепший мамонт.

Японцы камерами «Sony»,
По весу равными владельцам,
Снимали...
На японцев солнце,
Ещё не снятое, глядело.

Задами к фотоаппаратам
Медведи с животами лосей,
Природе собственной не рады,
Давились ручьевым лососем.

В харчевнях погибали крабы,
Размером больше, чем кастрюли,
В круизах редкие, арабы
Блюдя халяль, глотали слюни.

Порой хвосты китов взлетали,
Пугая белогрудых чаек,
А ели межконтинентально,
В зенит нацелены, торчали.

Не первый век в церковном срубе
Отец, упитан и осанист,
Благодарил от мира трубно
За благожребье Александра.

Анархистке

*Её любили Огюст Роден
и батька Нестор Махно.*

Когда в паху слегка тесны
Те галифе, в которых власть,
Тогда в любовниках – штаны,
А ты – любовница седла.

Глазами бюст ласкал Огюст,
А Нестор лапал мрамор плеч,
Блатные вкладывали грусть
В жаргон под семиструнки речь.

И «Мурку» знала вся страна,
Приблатнена во времена,
Когда не помнила струна
Политбюро по именам.

А нынче вор вошёл в закон
И носит грамотный пиджак,
И учится приличьям он,
Чтоб в правой нож над beef держать.

Твой бюст – в земле, но мрамор цел,
Роденом врезанный в Париж.
Могла возвыситься в резце,
Но опустилась в главари.

Анархия сама собой
Истлела персями Марусь.
Пришла монархия жлобов.
Она сгниёт, оставив Русь.

АНТИПОДЫ

Во времени разведены —
Как дети, по своим домам в пространстве,
По краскам взрослых сказок, иллюстраций,
Где верх одним есть антиниз,
Но те же страхи,

И тот же воск, а свет свечи
Везде блюдет одну и ту же скорость,
Число перстов в кресте и иконопись
Иные, как на Пасху куличи,
Но та же совесть.

В антиземле колокола
Звенят, подобно чашам поминальным —
И те, и те о славе и печали,
Добра желая, а не зла,
Но «антиально».

В антимирах растёт трава
Где вниз, где вверх, а там и там – всё травы,
Но те же люди правы и неправы,
А серп и молот в головах
Наносят травмы.

Земле бы плоскость утюга —
На ней одни восходы, и закаты,
И вера одинаковостью как-то
Всем уравнили бы рога
И предикаты.

Но, слава Богу, та кругла,
С тем «где», куда нельзя прямой наводкой,
Там всё наоборот, но та же водка,
Слова молитв, колокола
И идиотство.

Архив

Там этажи и стеллажи,
Не кровь, а пыль на старых ранах,
И все дела под номерами,
А каждый номер – чья-то жизнь,

Страницы пыток, а потом —
Признаний, смерть по протоколу,
Жена за проволокой колкой,
Ребёнок, отданный в детдом.

Там этажи и стеллажи,
Они всё ждут, и будут рады
Порассказать такую правду...
Что оскорбительнее лжи,

Историкам, а не братве
С похмельной памятью короткой —
До пузыря вчерашней водки.
Братве ли помнить о родстве?

А сам я откажусь читать —
Не врач, и не привычен к боли
Чужой.
Мне и своей довольно
К семейным горестным счетам;

К ним желваки – как кулаки,
И судорога стонет в горле,
Но память может быть и гордой,
Не мстью могут быть стихи.

Когда палач из подлецов
Пытает палачей содома,
Мой стих – о сиротах детдома
Коммунистических отцов.

Без ветра пруд

Без ветра пруд, что – зеркало всему
Материальному, материалистичен,
Как лист фольги.
Ни сердцу, ни уму —
Пейзаж красив, добротен, но обычен.

По отраженьям можно распознать
Черты погоды, различить деревья
По листьям, словно глядя из окна
Во двор, где с детворой взрослеет время.

Но стоит ветру, что дремал в траве,
Подняться и одушевить картину,
Как всё меняется, включая свет,
Что был потушен, следуя рутине.

Всё тот же пруд, но рыбы не видны —
Уже не гладь, а мятая фольга, и
Будто призрак тайной глубины
Оставил дно и служит амальгамой.

И не узнать – кто по траве спешит,
Лишь можно наблюдать его движенья,
Подобные движениям души,
Во нематериальном выраженье.

Без документов и без страха

Царю в глуби, а не придонно —
Придонно устрицы царят.
В глуби той – голубиный дом мне,
Где гости – стайки субмарят.

Порою на поверхность-крышу
Ступает в полночи нога,
Танцую с ветром, звёзды слышу
И посещаю берега.

Без документов и без страха
Я обхожу посты, века,
Эстрады обхожу и плахи,
Как посетитель – зоопарк.

И где-то суженый бездонный
Меня встречает у ворот.
И в нём тогда живу, как в доме,
Пока мой суженый живёт.

И пьём в супружестве, невинны,
Со временем накоротке.
Веду его в его глубины,
Вожу пером в его руке.

И он, овладевая мною,
Мою испытывает власть.
Он пишет Богом, Сатанюю,
Чернилами добра и зла.

Он, чёрный ангел, светлым бесом
Лицо являет всех времён —
Ничтожность драных занавесок
Под видом праздничных знамён.

Без метафор

Платья метафор – в грязь!
Жизнь обнажает слог.
В банях не говорят
Высокопарных слов.
И позвонив друзьям
Из своего угла,
Не зарифмую в ямб
«Как, мол, у вас дела?»

Мой карандаш, свинцов,
Трудится на столе
С острым концом-словцом,
Чтобы не путать след
Петлями «нет» и «да»,
Или – не «да», не «нет».
Боже, бумагу дав,
Дай и кричать на ней!

Господи, дай мне мочь,
Рубище под сумой,
Силу любить и ночь —
День беспросветный мой.
Если, тебя забыв,
Модный приму пошив —
Правую отруби,
Левую иссуши.

Пусть распознают те —
Запертые в окне —
Красочность в простоте
Серости дна вовне,
В звяканье стеклотар
Там, где подъезд жильцов —
Водка, брынь-брынь гитар,
Галич,
Высоцкий,
Цой;
В строках, на вид простых,
В судьбах, на вид хромых,
В личных и «я», и «ты»,
Что не мычат от «мы».

Бездушен, мёртвый интеллект

Бездушен,
мёртвый интеллект,
Задумался о жизни
На той земле, где много лет
Отпускников Отчизне

Не возвращает самолёт —
Бесстюардесны рейсы,
В которых есть автопилот
Без кнопок интерфейса.

Ни окон нет и ни дверей,
Ни тесных туалетов,
Нет крошек, пятен на ковре
И нет ковра,
при этом

Прохода нет.
И нелюдим
Салон – не пассажирам,
Кричащим: «Браво, командир!
Мы на земле и живы!»

Отчизны нет, курортов нет,
Остались пляжи, море,
Не посещаем Интернет,
Где мат – как на заборе.

Пески Бодрума и Сиде
Остыли от увечий
Верхов, низов и их идей,
И их противоречий;

Нет ощущения, что конец
Вначале был предвещен
И скачет в небе на коне,
Что так бесчеловечен.

Надежды нет, как нет «авось»
В авоськах с овощами.
Базар в пределах Кольцевой
Никем не посещаем.

Всё оцифровано, как век
И год, и час.
Не помнит
Тот интеллект без груза век,
Что есть стихи и полночь.

Беременность

Напишу очень колко.
А как ещё
Рассказать о прошедшем столетии?
Поутру я беремен кактусом.
По нутру мне клинки со стилетами.

Кто-то трезв, тошнотою беременный,
Кто-то бремен под утро текилою —
Пойлом, в чане лобастом перегнанным,
Забродившим от собственной кислоты.

«Маргарита» – коктейль, а не лезвие.
Каждый носит и дарит, что можется.
Подарю Маргаритам железные
Сапоги от испанских сапожников.

Пусть потерпят, умерших приветствуя,
Тех убийц, что милы поколениям.
Прут по лестнице мощи советские —
Обнажённая Крупская с Лениным,

Сталин с ручкой усохшей и трубочкой,
Кегэбешники с голыми жёнами,
Не своими, а – зеков, что трудятся
На державу, в правах поражённые;

Вот Хрущёв с кукурузой за пазухой,
Следом – брови над сиська-масиськами
И с лафетов восставшие разные,
Их супруги с обвисшими сиськами.

Маргариты столетия полночи,
Не бегите надеть свои лифчики!
Может быть, и желанья исполнятся
Силой правды, что зла и улыбчива.

В коробке мозг – как в первом круге

В коробке мозг – как в первом круге,
Где осуждённым (но на кой, а?)
На одиночество досуга,
Луну стихами беспокоит
И ищет друга —

Чтоб рядом был и не был вроде,
Соседом жил, не опостылев,
Прося до четверга на водку,
А имя было бы простым и,
Как «Бог», коротким.

Дабы зыбучие ответы
Песок мне в глотку не загнали,
Я между знанием и верой
Над недоверием к незнанию
Завис не первым.

В краю, где стоимость иметь

В краю, где стоимость иметь
Привыкло всё, включая смерть,
Где тлеть дешевле, чем сгореть
Со сметой для траурных услуг,
Я экономлю, жизнь влача,
Что продлеваю у врача,
И лотосом нирваны на полу.

А если ценник по цене
Дороже шубы по весне,
То, фокусом польстив стене,
Я думаю о рейтинге валют,
Обменных курсах, и часы
С деньгой бросаю на весы
И вижу за весами абсолют.

Там, где трудней воды испить
Или найти траву в степи,
Чем степь саму в кредит купить,
Всё видится иначе, чем в краю
Со степью общею, поди —
Плати за вход и поброди,
И внемли сказкам с «Баюшки-баю».

А там, где дешёвы дрова,
Дрова дороже воровать,
Дешевле жизнь свою ковать,
Не доверять искусству кузнеца —
Там можно жить своим гнездом,
Где – сын и дерево, и дом,
Не зная ФИО первого лица.

Там принца датского вопрос,
Что сквозь столетия пророс,
Где жизнь со смертью, зло с добром,
Переосмыслен в «Брать или не брать?»,
Решён по весу на весах,
Где деньги или словеса
Не перевесят значимость добра.

В нём светлое и тёмное давно

В нём светлое и тёмное давно
Описаны, как серое рядно
Под слоем любознательной коры.
Творение природы – человек,
С добром и злом рождённый в голове,
Чтобы сыграть и выйти из игры.

Пожизненно на нейронах в нас
Заключены и Бог, и сатана.
Но не везде преобладает хам.
Где есть закон, там сносна и тюрьма,
Где нет – параша, мордобой и мат,
А Бог – шестёрка, сатана – пахан.

Довольствие, условия бытья
Разнятся – и разнимся ты и я,
Хоть равными и родились к игре.
Но всё – кому кричать, кому молчать,
Кому доносы подлые тачать —
Зависит от столетья на дворе.

В ночи был дождь

В ночи был дождь.
Порол, косой,
Атеистические крыши.
Гроза катилась колбасой
Всё дальше, тише...

Окно, скользнув по потолку,
За поворот умчалось шиной.
Сознание спало на боку
И сны вершило —

Вслепую, следуя клише,
Связало крест от фар, погоды
С кантатой в трубах о душе
Водопроводных.

А электрический укол
Уже вдали лечила вата,
Но крест, стуча протезом в пол,
Достиг кровати.

И тело, весть признав благой,
А плед – камзолом Иоганна,
Ударило босой ногой
В педаль органа.

В памяти

И жабы, и змеи, и белые цапли,
Деревьев умерших стволы,
Как мачты без крон, не шумят парусами,
Недолго клониться им, скоро устанут
И рухнут в комарные мглы.

А гной пузырится нарывом и, лопнув,
Пугает лягушек-цикад.
Здесь озеро зеркалом сосны влекло, но
Закисло, сбродилось в гнилое болото,
И быть таковым на века.

У глади рябой ночевала избушка,
Дневала на крае земли,
А в ней и в лесу куковали кукушки.
И так бы часы и текли на опушке,
Да пеплом ветра разнесли.

Немало сторон, где озёра и сосны,
И срубы похожи на вид,
И листья весенние падают в осень,
Но в памяти те чистота и несносность
Любви у костров-пирамид.

В раздумья погрузившийся

В раздумья погрузившийся о том,
Где провести оставшиеся годы
(Точнее – обмануть),
в своих угодьях
Жую над глобусом прилежным ртом
Названия известных вкусных мест
С приятными природой и погодой,
И с теми, кто не трудится, но ест.

Не буду о расценках говорить —
Билет недёшев, если безвозвратный.
А взвесив варианты многократно,
Я выбрал бы Антиб, а не Париж,
Откуда – караван «Стогов» Моне.
Пусть – море, где пираты и караты,
Прибой с бутылкой и надеждой в ней.

Но где бы ни осел, в любых краях
Мне видеть мир под лампою настольной,
Оседлым у столешницы настолько,
Что жизнь – галлюцинация моя,
Воображение её и те же сны
Об обнажённых девушках атоллов,
Чьи волосы в бикини сплетены.

Хрустеть способен, брюки не надев,
И корочкой на киевской котлете,
И палочкой парижского багета,
И стерлингами лондонских дождей.
Могу с пожарной каской на ушах
Отведать дым безжалостного лета,
Пожары в Калифорнии туша.

Не хочется прижиться у морей,
Прижаться к Альпам, приложиться к Сене,
Отведать австралийского спасенья
Или потеть в бразильском январе.
Останусь там, где стопка на столе
Бумаги, над которой я рассеян
По всей покоя ищущей земле.

В револьвере – шесть смертей

В револьвере – шесть смертей,
Жизнь в груди – одна.
Он – устройство без затей.
Сердцем грудь сложна.

Он под мышкою висит,
Незаметен, тих,
Словно мышка для РС,
С вектором в сети,

Где, как в жизни – не дела,
А галдёж, безлик.
Мышка стрелку навела,
Выстрелила – клик!

Те, кого стихи пьянят,
Не боятся зла.
Может, мышь и на меня
Стрелку навела.

Может, револьверный ствол,
Шесть смертей тая,
Видит освещённый стол —
Тот, что вижу я,

Только ближе.
Поздний час
В кресле укачал.
Страшно правду замолчать,
А не прокричать.

В руке такая пустота...

В руке такая пустота...
Уж лучше б ты вложила камень —
«Прощай» на четверти листа.
Ты уходила потолками,

Весь мир перевернув со мной.
Побелка сыпалась молчаньем,
Как на голову снег весной,
И только каблучки стучали.

Их телеграфный алфавит,
Передавая многоточьем
«Конец любви, конец любви...»,
Стучал в висках пустою строчкой.

Сжимался вечер в кулаке
В одну потерю, как ни странно —
И шпилек след на потолке,
И капанье воды из крана.

В соавторстве с Юлием Петровым¹

В случайный день в одном из январей,
Я перестал бояться умереть;
Тогда, зимы какой-то посреди,
Окинул взглядом, что писал один

И в одиночке, чем была мне ночь.
Из всех проклятий, собранных в одно —
На то письмо, посланье долгих лет,
Была бы масса, равная Земле.

Так соберу?
И на планете той
Я поселю владельцев грязных ртов,
Что так привыкли лгать и проклинать.
Пусть там стоят ночные времена.

Создам водопроводы городов,
Где злоба для квартир течёт водой
Телеканалов пенистых в трубу —
Продукцией амвонов и трибун.

Заветы положу:
«Да запрети
Траве шальной не по ветру расти»,
«Да лжесвидетельствуй, творя поклон
Кумиру.
Убивай, кради, как он».

Там будут шить такие пиджаки,
Чтоб надевать, сжимая кулаки,
Огромные, как молот кузнеца,
Ковать проклятья Первого Лица.

И в эту ночь в стихе очередном,
Инопланетны, мысли об одном —
Нас разделяет вовсе не парсек,
А образ утра русского в росе.

¹ *См.: http://samlib.ru/p/petrow_j_i/ (прим. автора).

В торосах из листвы осенней

В торосах из листвы осенней
Оставлю ледакольный след.
Октябрь пройдёт, как воскресенье,
Как всё проходит на земле.

Редея, клён прильнёт к берёзе
И молвит:
«Так теплее, мать?»
Но скоро будет на морозе
Берёзу нечем обнимать.

Пройду и я под облаками —
Грядущим домом в вышине —
И след прорежу башмаками,
Прочертит осень след во мне.

Но время, льды зубами смежив,
Сомкнёт сугробы белых губ,
Тогда уже другой прилежно
Продолжит строчку на снегу.

В Эрмитаже

Скульптура, пережившая творца,
Безноса, как создателя останки
Со съеденными мышцами лица
Червями одиссеевой Итаки.

Примерю на себя его хитон.
Резец и молоток отброшу в угол,
Закончив нос эллинский надо ртом.
Они ещё летят, застыли слуги —

Рабы, что инструменты подберут.
За это время три тысячелетья
Проходят, обезносив этот труд,
И руки повисают, словно плети.

Наверно, лучше плакать над отцом,
Чем над безносим сыном-негероем.
Эллин, достаточно упасть лицом
Всего лишь раз один, как пала Троя.

А залам Эрмитажа нет конца,
И я, соцреализм не отрицая,
Иду на приступ Зимнего дворца,
Крича «Долой!» с безносими отцами.

В авоське – даты, страны и цари.
Дырява память, но цена – смешная.
И у стола, сознания внутри,
Младенца-мысль в строку запеленаю,

Оставшись с носом.
Он рождён проткнуть
Тот холст на дверце, где был намалёван
Очаг, что сказкой грел одну страну
В созвездии Стрельца с моей Землёю.

Великие поэты-педагоги

Великие поэты-педагоги,
Поставившие руку, и вложив,
Меня не зная, пониманье слога,
Живого, но короткого, как жизнь —
Уходят.
Я читаю некрологи.

И так порой охота поскулить
О малости той площади земли,
Что ждёт...
Но за порог гоню печаль,
А белый лоб (о сорока свечах),
Чья жизнь – в немногих тысячах часов,
Свидетель строк о временности света,
Сгорев, не будет вызван, невесом,
На суд стихов безвестного поэта.

Ветер переменит направление

Ветер переменит направление,
И собьёт дыхание у тополя.
Чтоб его заметили в селениях,
Он приметой понесётся по полю.

Дом простынет, улица, околица,
Где навстречу мне с пустыми ведрами
И знаменем – давнею знакомицей —
Неудача закачает бёдрами.

Не сверну с пути – не вижу повода,
Первая, последняя ли женщина
По судьбе идёт, как будто по воду,
Неизвестным замыслом божественным.

Тополем ли в поле, подорожником
Жизнь ценна – хорошая, плохая ли —
Как примета (нет её надёжнее)
Холода ночного бездыханного.

Вид из каюты

Каюта-колыбель.
Покой.
Рассвет.
А мир – в карандаше,
И грифель кружит за рукой,
Рождая путаную шерсть —

Покров кардиограммы гор,
Малоэтажек неглиже:
Гармони разворот тугой,
Душа в распахе на сажень.

Слюняв, укачан в полусне —
Как несмышлёныш у груди.
Я тоже теплоход и мне,
Пока есть топливо, ходить.

И чайка я.
Вот рассвело —
И вновь буфетом для меня
Прилавок рыбный под крылом,
Что бреет спины у ягнят.

Видна на голых ветках стая

Видна на голых ветках стая,
Подобна нотам – отзвучав,
Молчат, как рыбы, что летают,
И в виде отзвука торчат.

Смеркаться – к середине суток,
Сморкаться – целый день.
И дно
Фонтана оголилось – сухо,
Давно безденежно оно.

Утихли песни для наяды,
Костры погасли у реки,
Со спин, что широки, как взгляды,
Туристы сняли рюкзаки

И проверяют в доме трубы,
Полозья дедовских саней,
Тулупы, зипуны и шубы,
Чтоб от зимы не сатанеть.

И всё путём.
Но, как ни странно,
Опровергая «Сэ ля ви»,
Над обезвоженным фонтаном
Поёт гитара о любви.

Визуальный перевод

Быть может, и не самолётным соплом,
А чем-нибудь невидимым, особым
Подчёркнута по синему строка
Грузинской вязи гроздей виноградных
И спин баранов на Цаннере раннем,
Кудлатых, как под ними облака.

И языка не зная, как Марина²,
Переношу воспринятое зримо
В кирилличные колкие азы
И плёвелы колоссом недоспелым
Язык лугов надоблачных Пшавелы
На свой степной подоблачный язык.

² Стихи классика грузинской литературы Важа Пшавела переводили М. Цветаева, О. Мандельштам, и Н. Заболоцкий (прим. автора).

Во вчерашней жизни я и не́ жил

Следуя буддистской тропке Дао,
Рожеиц напоминая труд,
Веки пару глаз моих рождает
Ежедневно в муках поутру.

И вздохнув от крика попугая —
От шлепка будильника, встаёт
К жизни инкарнация другая
В новом назначении своём.

Вечность ли в конце пути и космос,
Просветлённый ли пустой стакан,
Утром на подушке рядом – космы
И ладошкой к потолку рука.

Во вчерашней жизни я и не́ жил —
Был и медитировал с людьми.
Но, клянусь, что в этой буду нежным,
Страстным небуддистом, чёрт возьми.

Возвращение Тесея

С каждым годом больней
Отдавать Минотавру
И девиц и парней.
Эти юные пары,
Что любить родились,
Поедаются жадно.
Дай же меч под хламис
И спряди, Ариадна,
От кудели льняной
Для Тесея страховку
В лабиринте земном —
Сыну рощи ольховой!

Веря нити клубка,
GPS'у не веря,
Он, плутая, искал
Бычью голову зверя.
Афинян находил
Молодых и красивых
Не костями для могил,
А живых и счастливых —
И в студентах сорбон,
И студентками йелей —
Тех, что пили бурбон,
Неэллинское ели.

Древнегреческий миф,
Современны литавры:
Уходите детьми
От царя-Минотавра.
И Тесей, побродив,
В настроенье неладном
Возвратился один —

Он любил Ариадну.

Волною платье в развороте вальса

Волною платье в развороте вальса
Бьёт в камни стен.
И плещется молва
На вечере, что Вальсовым назвался,
Где пенятся прибором кружева.

Движение воды, как вольных складок
Морского шёлка.
Ты отстранена
И так близка...
Мы в перекрестье взглядов,
Которыми расстреливают нас
Под шелест листьев в съеденной помаде.

Всей силой струн шопенится квинтет,
А я – как будто в танце с водопадом
Публично, тайно, явно, тет-а-тет.

Крепендо предфинальное вращает
Всю землю, и над нею вальс – как власть,
А хриплый смех накаркавшихся чаек
Царапнет лишь, не причиняя зла.

Вопрос о смысле

Он стар и еле держится в седле,
И ветер замечает след копыт
Из персов к иудеям и во греки,
Где давний спор троих навеселе —
Платона с Аристотелем кипит,
А Эпикур льёт критское под веки.

Где приклонит он голову?
Нигде.
Всю мудрость мира тащит за спиной,
За нею – земли и тысячелетья.
Но распознав вопрос по бороде,
Беднягу на пускают на постой,
Дабы не слышать полудетский лепет.

Уже и разговор о нём смешон,
Не принято всерьёз упоминать,
Ну разве что в сравненье с Агасфером.
Философ, дню налив на посошок,
Допьёт бутылку белую до дна
И полетит душой в иные сферы.

И жизнь, вися на вечном волоске,
Смеётся, зная, как она хрупка,
Не то чтобы бессмысленна, а просто
Намного поумнела и в цветке,
В ребёнке со стаканом молока
Не видит смысла задавать вопросы.

Вор

Не жди меня к полуночи, кровать,
Я снова отправляюсь воровать.
Опять ты не провиснешь подо мной,
Подавлена и попрана спиной —
Плащом широким скрытая, она
С ногами и начинкой капюшона,
И сердцем, что с рождения бессонно,
Едва стемнеет и взойдёт луна,
Мелькнёт в проёме тёмного окна
Недорогой квартиры-распашонки.

Над городом роскошной нищеты,
Где светятся рекламные щиты
Под чёрными квадратами окон,
В ночи не выходящих на балкон,
Я пролечу, невидим, нелюдим,
Чтоб зависть не разбередить в прохожих,
Ползущих, пьяных, поступью похожих
На тех ужей асфальта посреди,
Чьи головы затоплены, поди,
Желанием сменить пижамой кожу.

Их искушали яркостью витрин,
Бельём постельным, мягкостью перин
С наперником трёхцветным и орлом,
Что гордо держит в правой лапе лом.
Не устояли, вняли словесам
Лапшеобразным, постным совершенно,
Не догадавшись, кто они в сношенье,
Но, примирившись с порцией овса,
Покорно затянули пояса,
Не отличая от петли на шее.

Мой путь неблизок, а объект высок.
Не красть же из песочницы песок,
Недвижимость и движимость, и лес,
Как будто жизнь не состоится без
Поместья в Ницце с парой – ух ты! – яхт!
Без личной эскадрильи двухмоторной,
Красивых баб, достоинство которых —
На «Ё-моё!» являться без белья,
И понимая цену бытия,
Платить собой за ПМЖ в оффшоре.

Ограбить банк способен и дебил

Или – открыть, чтоб каждого, кто был
Наивен, до подштанников раздеть
И приземлиться на Карибах, где
Недвижимую жизнь приобрести.
Я тоже вор, но своровал не это,
А всё богатство с нищенством поэтов,
И возвращаю, совестлив и тих.
Луну за искушение простив,
Похищу и верну в строке к рассвету.

Воспоминание

Не может фотоаппарат
Точней оставить след:
Ты на коленях у костра,
А я – на вертеле.

Нам двадцать.
Нет, немного за.
Прохладно и темно,
Там обожжённые глаза
И белое вино.

Залив, песок, глотки вина
За голод мой шальной.
Ты надо мной наклонена,
И угли подо мной.

Ни комариной маеты,
Ни неба, ни огней.
Огонь на берегу и ты,
Как хмель от Шардоне.

Восхождение

Скалолазные стены и пропасти,
На осколках босая стопа.
Оступился, последовав прописи —
Покатился, пропал.

Тишина и бесптичье заоблачны.
Ледниками слепит высота.
А солгал – и районным для области
Землежителем стал.

Уходил – удивлялись: зачем тебе?
Безопаснее нас посреди.
Отвечал только мышцами челюсти,
Сумасброд нелюдим.

Прихватил только имя и отчество,
И г. р. – для могилы в горах,
Отправляясь в своё одиночество
Со скрипением пера.

Высоко ли от уровня Тихого
И Атлантики сможет уйти,
Не имеет значения.
Стих его —
Восхождение-стих.

Но поднявшись хотя бы над крышами
Скалолазом, увидит тогда
И собратьев, а ниже те, выше ли —
Не ему разгадать.

Вот пара слов

Вот пара слов, за ней легла другая,
За той – ещё, дыхание-пробел,
Повисла запятая на губе —
Над пропастью, которая пугает.

Обратная... а выпукло и рядом
За ней прямая следует петля.
Вязание мужское умалять
Не нужно снисходительностью взгляда.

Весь мир – клубок, что спицею пронизан,
Покоится до вечера в шкафу.
Пусть жизнь короче станет на строфу,
Но строфы есть, что стоят этой жизни.

Время

Время.
Бах и орган, и древность,
Джаз, патефоны Грэмми,
Прение листьев, старение,
Камни упрямые Греми.
Время.

Время!
Ну же!
Пора!
За дело!
Смокинг ли, конь ли белый
Созданы для покорения
Женщины с веткой сирени.
Время!

Время...
Слово и оправданье
Ступора, ожиданья
Лучших строителей здания
В стиле Британий и Даний
Крепких.

Время.
Новые ветры, крены.
Переплетая в среднем
Баха с ночными сиренами,
Выдаст блокбастер Грэмми
Время.

Все включено

Предусмотрены траты, и все включено
В предусмотренный загодя счёт.
Разволновано море: включили ль в окно,
Если бриз безвозмездно включён?

Бадминтон две девицы танцуют в песке.
Представляю в песке наготу —
Включено представление в левом виске
Или в правом, как сухость – во рту.

Попиваю из бара.
Он – «мини», и нет
В нем бармена.
Барменствую сам.
Телевизор включён мне о зле и войне.
То ли мёд, то ли соль на усах.

Ах, нажал бы на «выкл.», но нажатие «выкл.»
Не избавит меня от еды,
Сыт по горло которой – крошкой, увы,
Из войны и «ура!», и беды.

Вступление в 21-й век (А. Д.)

*Ни к чему,
ни к чему,
ни к чему полуночные бденья
И мечты, что проснешься
в каком-нибудь веке другом.
Время?
Время дано.
Это не подлежит обсуждению.
Подлежишь обсуждению ты,
разместившийся в нем.
(Наум Коржавин, «Вступление в поэму»)*

От Афин до совка
с интерлюдией пыточных казней,
А от них до меня —
на два пальца истории зла;
Ядовитый стакан —
эмиграцией в смерть одноразов,
Он – предательство дня,
всё того же – с пером у стола.

Ничего не прошло,
не ушло с обновлением быта.
И стоят времена,
поменяв палачей имена,
Имена площадей
да названия казней и пыток
Для свободных людей,
что рождались во все времена —

Времена проклинать
и идти против свор и проклятий,
Времена для стихов,
что затоптаны будут в пыли,
Времена презирать
мракобъсов с iPhone'ом и ятем
В подворотне двора
монархической рабской земли.

Выключатель чёрный у двери

Сергею Есенину

Выключатель чёрный у двери
К лампочке привязан.
Шуры-муры.
Вверх щелчок – и та уже горит
Наготой без юбки-абажура.

Провода заплетены в косу,
В ней белеют капельки фарфора.
Свет живёт, как солнце – на весу
День какой и год, и век который.

Между «Вкл.» и предрассветным «Выкл.»
Ночь любви и стихотворных строчек.
Выключатель к этому привык,
Лампочка горит ему и хочет.

Переменен между ними ток,
Но коса рифмовки постоянна.
Крюк на потолке торчит, высок,
А под ним – Серёга окаянный.

28 декабря 2017 года

Голос

Если связки сухие в горле
Топот града впитали губкой,
Из раскатов грозы над городом —
Гроздьев грома сдоили звуки,

Если связки в пустыне будней,
Словно в праздник расплёсков шторма,
Овладели бельканто трудностью
И завyli сиреной, вторя

Гулу воен и стону боен,
Плачу капель на дне колодца,
Значит, голос природой скроен, и
Слышать соло толпе придётся,

Ненавидя за резкость тона,
Колдовать, насылая порчу,
И топтаться за микрофонами
С усилением пошлых корчей.

В дни мычания нужен голос
Человечить молчанья полость,
Голос – веку отлитый колокол,
Что тревожен, пожарен, колокол.

Горизонт

Летит струя шампанского, как бес,
Шипя от злости, зная – недалёт,
А души долетают до небес,
Гудками отвечая на «Алё!»

Граница между знанием и всем,
Во что мы верим, не беря зонтов —
Барьер для тем отсутствия и тем
Присутствия за видимой чертой.

Догадки проверяя с рюкзаком
И заменяя гелием азот,
Ныряем, лезем выше облаков.
Бежит неуловимый горизонт

С открытых мест и прячется в лесу,
Где леший в кумовьях у лесника;
Они хлебают водку, словно суп,
И черти пляшут, и дрожит рука,

Извлекающая из банки скользкий груздь.
А горизонт настолько недалёк,
Что окружает линией, как грусть —
Пилота звездолёта над Землёй.

Мираж – и там, и здесь.
Но я люблю
Когда он округляется луной,
Когда высотный самолёт петлю
Лихим ковбоем вертит надо мной.

Город

Это – город-музей
И его панорама.
Перехода подземность,
Одетая в мрамор,
Усыпальня рублей
В пирамидной гробнице
Из камней, как нолей
Чередой к единице.
Это город Петра
И Кремля подворотня,
Это город без права
Мосты называть.
А вороны, как чёрные сотни,
Всё кружат над Собором поротно,
Голубей ущемляя в правах.

Горькие мысли у медного памятника

Лев Толстой:

«Беснующийся, пьяный, сгнивший от сифилиса зверь четверть столетия губит людей, казнит, жжёт, закапывает живьем в землю, заточает жену, распутничает, мужеложествует, пьянствует, сам, забавляясь, рубит головы, кощунствует, ездит с подобием креста из чубуков в виде детородных органов и подобием Евангелий – ящиком с водкой славить Христа, т.е. ругаться над верою, коронует [...] свою и своего любовника, разоряет Россию и казнит сына и умирает от сифилиса, и не только не поминают его злодейств, но до сих пор не перестают восхваления доблестей этого чудовища, и нет конца всякого рода памятников ему. И несчастные молодые поколения вырастают под ложным представлением о том, что про все прежние ужасы поминать нечего, что они все выкуплены теми выдуманными благами, которые принесли их совершители, и делают заключение о том, что то же будет с теперешними злодействами, что все это как-то выкупится, как выкупилось прежде».

К 9-му июня

Проклятие, губитель-кат,
Тебе не крикну: «Исполать!»
Ты – вор³ святого родника,
И властный бес своих палат.

Срамных, как срамен Кремль-трактир,
Таскал на ассамблеи баб
Пётр Алексеич, бомбардир,
И пил до упаденья лба.

Ты создал армию и флот,
И власть, что свята и теперь —
Кулак, величия оплот,
Где может быть в святых и зверь.

Ещё одно из славных дел —
Та щель, что прорубил топор
В Европу, с завистью глядеть
И ненавидеть... до сих пор.

Босые лица у бояр,
Плезир шармана посреди...
Не вижу перемены я —
Аккаунт нынче да кредит.

И в челобитных тот же слог
Посадских якобы людей,

³ В те времена (XVII – XVIII века) словом «вор» называли изменника, предателя (прим. автора).

Что приказным есть подлость⁴, зло

И отвлечение от дел.

Летят остатки на мослах
Людишкам, что с царём во лбах —
Им, не допущенным к столам,
Полуголодным, озябать.

В значеньях новых «воровство»
И «подлость» нынешним летам,
Но – тем же власти естеством.
Уж триста лет, а воз всё там.

Глаголю для всея Руси:
Иные годы или те,
А ты страдальцей висишь
Над перекрёстком на кресте.

⁴ Подлый – (устар.) принадлежавший по рождению к низшему, податному сословию, неродовитый(прим. автора).

Горькие мысли эволюции

*Это те, кто кричали «Варраву! —
Отпусти нам для праздника...», те,
Что велели Сократу отраву
Пить в тюремной глухой тесноте.
Им бы этот эже вылить напиток
В их невинно клеветуций рот,
Этим милым любителям пыток,
Знатокам в производстве сирот.*

(Анна Ахматова, «Защитникам Сталина»)

Одарила силой выжить без рогов,
Не когтями, а зубастостью ума —
Приручить и приучить светить огонь
Так, чтоб глаз тебе не выколола тьма.

Но, назвав себя вершиной под венцом,
Мастурбируя на звёзды и кресты,
До протомы озверяешься.
Лицо
Сорок тысяч лет творила я, а ты...

Ты коленопреклонён не перед той,
Кто в мучениях из праха родила,
А у бронзы, что на площади пустой,
Где молчат без языков колокола.

И уже на четвереньках семенишь,
А ведь мял прямохождением века.
Память горькую на гордость заменил
Обезумевшим до глины для горшка.

Господь, давайте нынче – по душам

Господь, давайте нынче – по душам.
Но перейду на «вы», и вам бы надо —
Не пили никогда на брудершафт
И не лобзались трижды по обряду.

Но вы вольны и тыкать, поносить —
Ведь я один, в кепчонке забубённой,
А вас не сосчитать на небеси,
Извечным страхом смерти порождённых.

И вам, тот смертный страх найдя везде,
Сопроводять его до божьей нивы —
Богам как копиям лепивших вас людей:
Жестоких, добрых, властных и ревнивых.

Пусть не всемогущ я, не идеал,
Не вечен, и живу своими днями,
Но слов со временами не менял,
И сына не пошлю, чтоб изменял их.

Два клюва-стрелы

Два клюва-стрелы на восток и на запад
У камня-истока, но кануло будто
Письмо с направлением в светлое «завтра».
В конверте пустом – беспросветное утро.

Не сбывшись, надежды с цветными хвостами
По жалобным крикам находят друг друга,
И книгою жалоб верстаются в стаи.
Побыв козырьком, опускаются руки.

И снова в томлении хмель сосложений
Того, что желанно, но мыслится с «если» —
Мужские фантазии с грёзами женщин
И планы развития девственных чресел.

Обивка диванов сидением стёрта,
Седением порчены фотольбомы,
А всё, что не в кадре, отправлено к чёрту,
И новые птицы слетаются к дому —

Строками мечтаний с размытостью линий.
Манилов «Ах, вот бы...» потянет из трубки,
А Павел Иванович набриолинен
Практичным и в меру упитанным трупом.

И множатся мёртвые душами статских,
Действительных, тайных и прочих, а кто-то
Живым выступает стоять на Сенатской,
Ища на Болотной тропы из болота.

И мёртвые души, как ветхая сила,
Пытают живое за отступ и ересь.
Родись Иисус у Марии российской —
Носили бы кол на груди, а не крестик.

Две красные топки вселенской печи

Две красные топки вселенской печи —
Одна обжигает замес в кирпичи,
Другая их плавит в ночные сердца —
Пылают и слаженно, и без конца.

Два жерла, работою раскалены,
Заряжены правдой своей стороны,
И дуло одной из условных сторон
Нацелено в траур ночных похорон.

Но есть промежуток – стихает стрельба,
Плавильня, чтоб жертвы остыли в гробах,
А пламя уснуло, что в серой золе
Безвредно бумаге на сером столе.

Окошкам жилья в это время сереть,
А кошкам сливаться в бесцветной поре.
Сереет и цапля – избушка болот,
Лягушек щадит её клюв под крылом.

Скрипит не перо, а лишь серый забор,
И сон проникает в жилище, как вор.
Он тащит объедки надкушенных тем
С листа на столе и жуёт в темноте.

Но стрелка подходит ко времени «Ч»,
Наводчик наводит с росой на плече
На серую цель оглушительный залп,
Который раскроет владельцам глаза.

Ах, только бы шнур не порвался пенькой,
Повиснув у ложа безвольной рукой,
Чтоб время делили на «прежде» и «от»
Два красных жерла – закат и восход.

Две ладони

1.

Подпирали стены, щёки
И сдавали на игру,
За затылком, одиноки,
Вспоминали чью-то грудь.

Петушились пятернями,
Собирались в кулаки,
Были добрыми, как няни,
Были жёстки, как тиски.

В габардиновом реглане
Грелись спинами котов —
В тёплой глубине карманов
Старомодного пальто.

2.

Деньги долго не шуршали,
Уходили на винил
Из нелипких и шершавых
Со следами от чернил —

Тех, что рифмовали небыль.
Ей ли в красках былью стать?
Кисти, расспросите небо
До касания холста!

Помнить ли скелеты в доме,
Тот ли не был, кто забыт?
Снег, растаявший в ладонях,
Мутен пригоршней судьбы.

3.

Не гадай на полустанке,
На полжизни-полпути!
Линиям судьбы, цыганка,
Знаю, к холмику сойтись.

Где же – не бросай на шали
Карты неба и земли,
Чьи мозоли полушарий
По экватору срослись.

Только хорошо бы – в доме,
А не в жерновах пути.
В доме приняли ладони —
Там им веки опустить.

Декабрь

1.

Декабрь.
Настои трав у ночника.
Таблетки разноцветны балаганом.
Не вылечат молитвы шарлатанов,
Поможет полстакана коньяка.

Ты, плоть, уже всё чаще предаёшь.
Душа, не изменяй же куртизанкой!
Когда пиявок заменяют банки,
Я со спины – оплавившийся ёж.

А всё к тому, где жизнь – больничный лист
С температурой зимней под сорочкой
И со строкой «Причина смерти: (прочерк)»,
И звук от кома смёрзшейся земли.

2

Такие мысли...
в месяце простуд
С аплодисментом кашля из гортани
В партере.
Но гримёры упасут
От бледности Онегина и Таню.

Всё меньше света от и до темна,
Где нет теней, что действует на нервы.
Безвкусна, как тягучая слюна,
Сигара в полночь светится Венерой.

3

Не в связи с декабрём та, с кем он спал,
Но насморк – Пётр у спальни, меч во длани.
И молот спит отдельно от серпа,
Как будто в треугольнике – углами.

Встречаются за чаем по утрам,
Соприкасаясь разве что ногами,
Улыбками, печальями утрат.
«Недомогаешь?» —
«Да, недомогаю».

Вселившись в медный чайник со свистком,
Мучитель-чёрт над тазиком страдальца
С его ступнями полон кипятком,
Пытает плоть, что поджимает пальцы.

Декабрьский снег

Он, втёршийся в доверие саней,
Представившийся как зипун поленьям,
Оставил лужи на прощанье – снег
Растаял в неизвестном направлении.
Кусты торчат, раздеты донага,
Подобны ржавым арматурным прутьям,
А девы, амазонки в сапогах,
Опять в осенних туфлях, как рекрутки.
Мошенник, прихватив с собой лыжню,
Следы в саду, пуховые наряды,
Оставил землю – Махой в стиле ню,
Что без одежд не привлекает взгляда,
А послевкусием юности горчит.

Из белизны в ноябрь вернулся точно
Вновь письма от деревьев получил,
Писавших «до востребованья» почтой.
Иду по этим слипшимся листам,
Что не шуршат, а плачут под ногою.
В прошедшем – нагота и пустота.
Мне Маха в белом нравится у Гойи.

Для секунды

Для секунды промедленьем,
Не всегда подобным смерти,
Для минуты во Вселенной,
Что – йота глазомеру,

«Поцелуем» для, веками
Спавшим как произведенье,
Отсекая лишний камень
Инструментами Родена,

Исключеньем слов увечных
И избыточно красивых,
Чтоб из глыбы русской речи
Высечь простоту и силу,

Ножно, добывая ужин,
Для охоты чувством меры,
Окорачивать ненужность
И животные манеры,

Нужно недочеловеком
Отсекать своё уродство,
Чтоб из каменного века
Челюсть вышла подбородком.

Дом, который построил прадед Том

*«В деревне Бог живёт не по углам»
(И. Бродский)*

Жильцами дома – звук и запах,
Которые рождает жизнь,
И черепица черепицей
Над ней оранжево лежит,
Уют от ветра сторожит.
Тот зло срывает на рубахах —

На белых флагах чистоты
И добрых помыслов фрегата.
Без кружев, выкройкой просты,
Они, заплатка на заплате
Потёртой, машут о незнатном
Происхождении четы,

Что в доме с Богом.
В единенье
Он стряпает и шлёт еду,
Его благодарят за рвеньё,
Потом на суп готовы дуть,
И отмечают раз в году
Свои и Бога дни рожденья.

И дом тот истоково творит
Детей, молитвы, песни, тесто
От февралей по январю,
И начинается с Богом вместе
Любое дело. Он же, честен,
С ним о стропилах говорит.

Не чужд и поприщам столичным
В стеклобетонных городах,
Где пыльны жалюзи, безличны,
А в кранах твёрдая вода.
Зайдёт в костёлы и – айда,
Чтобы успеть на электричку

Туда – в дубовый свой ковчег,
Который выплывет и в кризис,
Начнёт с нуля всё вообще.
На нём спасутся даже крысы
И пара луковиц нарцисса
Да семя ржи и овощей.

Дома́

Преградами для внешней темноты,
Подобно крепостям стоят, спокойны,
Спасая от животной гопоты,
От варварского войска насекомых,

От ветра бесконечных перемен
Погоды, взглядов, моды и давлений,
Событий и навязчивых ремён —
Бегущих строк со скоростью явлений.

В часах настенных медленнее дни,
В простенках – сновидения и мыши,
И мысли, не нашедшие страниц —
На паутине, гамаком провисшей.

Поскольку могут нескольким служить,
Дома́ просторней, чем судьба под кровом —
Убежища наземные, что жизнь
Хранят от звуковых бомбардировок.

Благословенно плаванье домой!
Вернувшийся благополучно в гавань
К сиренам обращается кормой,
А волнорезы отсекают гавы.

О коврик, что прилежностью знаком,
Он вытрет ноги. Радуюсь возврату,
Замок отсалюует языком
Как пёс домашний незамысловатый.

Домой!

Все курорты, как сортиры,
Одинаково комфортны.
Справа ролик для подтирки
Слева – все равно запоры

От еды вне всякой меры,
От услуг, что и не ищешь,
От пророков новой веры
В органическую пищу.

Одинаковы на блюде,
В масле теплятся улитки.
Одинаковые люди
В одинаковых улыбках.

Так домой, где пост в пустыне
И акриды с диким мёдом,
С искушением простыми
Пивом с чертом-бутербродом.

Домосед

Дела вне дома – и долг, и подвиг.
Не то что в горы, а в город лень мне —
Я домосед.
Пусть гора приходит
И ткнётся пиком в сустав коленный.

Скажу не шутку, понизив голос:
Высоты в цифрах точны, но лживы.
Отсчёт для неба веду от пола.
Я – небожитель, но с кровью в жилах.

Нелепо, в тучу упёршись взглядом,
Просить о хлебе насущном Бога.
Он не за нею, а где-то рядом,
В гостях неожиданных моих порогов.

Дорога совиного стола

Пришельца дом осмотрит строго.
Узнав же, отопрёт.
Как приглашение к порогу —
Возьмёт под козырёк.

И дверью мне заулыбавшись,
Распахнутой – впустить,
Смахнёт с подошвы лист опавший,
Прилипший по пути.

Войду и соблюду приметку —
У двери помолчать,
Присев на крае табурета
К удаче в добрый час —

В начале той дороги дальней:
К столу, гнезду для сов,
А после трёх – к совиной спальне,
Где пересадка в сон,

Тревожный путь в ночных одеждах
За лунным серебром,
Где страх-разбойник неизбежен,
Как утренний порог.

За ним, найдя покой в движенье,
Я отдохну от слов.
Под пледом из мужчин и женщин
Уютно и тепло.

На сквозняках чужих порогов,
Где лоб ласкает ствол,
Я снова захочу в дорогу
Домой, где степью – стол.

Дорога

Запорожные тысячи вёрст
Начинаются с чарки одной —
Запорожной, а если ты гость,
Что не пещ, то ещё – стременной.

И дороже дорожные дни,
Чем под крышей похмелье ума.
Отдавание сердце полнит,
Получение – только карман.

Но дорога не всякому впрок,
Ведь прочнее и пьянство, и печь.
Отдавать ухожу за порог,
Предъявлять подорожную песнь.

Дюна Пилата (Дюна Пила)

От берега Бискайского залива
Передвигает дюна килотонны
Песка времён, запас его бездонен.
Она стара, как мир, нетороплива
И сахарно бела, и монотонна.

Умолкшие утопленницы-сосны
Погибли под сандалией Пилата.
Всё выше холка у волны и плата
За безразличье, неподвижность, косность.
О пинии, как жалко вас, безлапых!

По дну пришла, вползла на берег снулый,
Засахарив прибрежную часовню;
В ней аквитанский колокол качнула,
Язык его застыл, умолк, ненужный.
Над ним часы песочные бессловны.

Тысячелетья движется к Парижу,
Уже в три раза выше Нотр-Дама.
Верхушку башни Эйфелевой вижу
Заброшенную нефтяною вышкой
Над Нотр-Дюной, белой и упрямой.

Звони звонарь на колокольне чети,
Пока она не стала минаретом,
А Нотр-Дам ещё не стал мечтью
Для парижан – сирийцев и чеченцев,
Которым вина будут под запретом!

Её отсутствие печалит

Её отсутствие печалит,
Но, пессимизму вопреки,
Приходит на порог отчаянья
Удача в образе строки.

Приходит, с опозданием вечным,
Искав прозрения, слепа,
Неспешным шагом, словно вечер
И всё, что может наступать.

Люблю нежданность и приходы
Тех, кто привычен по часам,
Как ночь – любовница-свобода,
Черна косою и боса.

А утром, наглая, наскоком,
Чернильных пятен не отмыв,
В мой дом, удравшая с уроков,
Девчонкою влетает мысль.

И день вверх дном тогда выходит
Из ритма – наперекосяк,
В зрачках гарцуют, хороводя,
Шальные искорки бесят,

Забыв, что приступает возраст,
Как пашня жадная к степи,
Коря за шаль, пристроясь возле,
И ей уже не отступить.

Зима, предсказанная пошлость,
От дела, может быть, в версте,
Вдали уже шуршит подошвой,
Что клевер втоптывает в степь.

И где-то войлочную тенью
В пути по времени без карт
Гнобитель луговых растений —
Декабрь.

Ёлка

Торчит она, довольствуясь углом,
Густа, как тень с короною-иглой,
Похожа на высокий колкий дым.
Смола на пальцах – никуда не деться,
Не смыть её.
К ней липнут годы детства
И грустное «когда был молодым».

Безжизненна, но постоит, пока
Не пожелтеет правдой на боках
О том, что к Рождеству зелёный труп
Украсили, как девицу к венчанью.
И разве что подсвечник со свечами
Грустил и слал проклятья топору.

Печаль, печаль...
Слезами не пой —
Иголки не осыпались мои,
И сок перемещается в стволе.
Волью в него, расслабившись, полквартиры,
Найду географические карты
И разложу пасьянсом на столе.

Сойдётся?
Ничего не загадал...
Вот город, дом, игрушки-поезда,
Что позже будут по миру катать,
Плацкартами изматывая нервы.
Не выглядит игрушкой револьвер мой,
Гирлянды строчек – ёлочным под стать.

Чем дальше, то есть, ближе – времена,
Тем хуже различаема страна
С проливом, начинающимся с «ля»,
Где Нотр-Дам и Тауэр – напротив,
Подобно Жаруский и Поваротти
На сцене, неделимой, как земля.

С католиками встречу Рождество,
С атеистичным детством и его
Салатом оливье – царём стола,
Со звёздами на небе и на ветках,
Домах и флагах – артефактах века.
И эта память колка и светла.

Если ветер с грозой прервут

Если ветер с грозой прервут
В проводах суеты электронов,
Водружу королеву на трон и
Преклоню перед нею главу,

Соблюдя этикетный поклон,
Прикурю от неё сигарету,
Намекая на званье поэта,
Кто свечой может быть награждён.

Я старательно образ такой
Создавал, но под лампой дешёвой
Электрической многосвечовой,
Замахнувшись рукой и строкой.

И пока в ней отсутствует свет,
Магста переменного тока,
Хоть на краткое время и только
Стану вечен как русский поэт.

Ещё раз

По гороскопу ли нашла,
Застала ли в обходе тайном?
Нашла безумием чела,
Накрыв ночным звёздометаньем.

Дабы, в отличие от сна,
Почувствовали жар напалма,
Не в спальне осадила нас,
А в джунглях города неспальных.

Закон иной, но он жесток —
Уже не средством выживания
Любовь – родник, ручьям исток,
Не их соитье на диване.

Платящие всегда в долгу,
В бездумном колдовстве движений,
В сраженьи шёпотов и губ,
Где ни побед, ни поражений.

Она вселяется в ребро,
Как бес, в дома, стихи и жизни,
Где совершает зло с добром,
Не поддаваясь экзорцизму.

Она не просит, а велит
Отбиться журавлю от стаи —
Снести даяние земли
Туда, где Святцы зачитали.

Приходит, в двери не стучась,
Переставляет мебель, мысли,
Но снизойдя в неверный час,
Без слов уходит, по-английски.

За земным горизонтом

За земным горизонтом, за уровнем моря,
Где присутствует мудрость в отсутствие горя
Есть обитель ответа любому вопросу,
Та обитель в избушке, а может быть, просто
В углубленье высокой горы,
Что укромней мышьиной норы:

Говорили неглупые – глупо не верить.
Как пальто, распахнув утеплённые двери,
И без зонтика, шапки-ушанки, берета —
К горизонту, надеждой одной обогретый,
Попирая начало стези,
Кривизною земли заскользил.

Самому интересно.
Уступкой не лаю
Обезумевших сук, что давно посылают,
А настойчивым зовом рассудка ведомый,
Всё, что должен, отдав, как швартовы у дома,
Я, намылив под лыжей лыжню,
В путь отправился искренним ню.

Встретит чёртова мать пылающей домной
Или орган мужской, или женский огромный —
Я спрошу обладателя вечных ответов,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.